

Н.В. Кузина

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОЙ ГРУППЫ НАХОДОК ИЗ РАСКОПОК СЕЛЬСКИХ СВЯТИЛИЩ КРЫМСКОГО ПРИАЗОВЬЯ

Аннотация: подсыпки из раковин моллюсков – едва ли не обязательный признак любого святилища в Крымском Приазовье. Отдельные раковины, а также кости рыб встречаются в составе некоторых жертвоприношений. В обрядовой практике сельских святилищ Крымского Приазовья морские экофакты были включены в контекст ритуальных действий, обусловленных устойчивыми среди сельского населения архаическими представлениями о модели мира. В сакральной сфере «морские» атрибуты, с одной стороны, выражали идеи, связанные с изобилием, плодovitостью, и в этом смысле принадлежали кругу символов богов, воплощавших плодоносные силы природы. С другой стороны, они маркировали нижнюю космическую зону, сопоставимую с хтоническим миром, применялись в обрядах жертвоприношений, в которых конституировалась взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира.

Ключевые слова: святилища, Крымское Приазовье, модель мира, Боспор, хора, море, жертвоприношения, раковины.

Abstract: layers of mollusk shells on the floors are feature of any rural sanctuary in the Crimean Azov region. Single shells, as well as fish bones, were found in some places of sacrifices. In the ritual practice of rural sanctuaries marine attributes were included in the context of ritual actions determined by the archaic ideas about the world model, which sustained among the rural population during the centuries. «Sea» attributes, on the one hand, symbolized abundance, fecundity, and in this meaning belonged to the circle of symbols of fertility gods. On the other hand, they marked the lower cosmic zone, comparable to the chthonic world, were applied in the sacrifice ceremonies, which set up the connection between the levels of the universe in accordance with the archaic model of the world.

Keywords: Asov Sea coast area, sanctuaries, model of the world, Bospor, chora, sea, mollusk shells, sacrifice ceremonies.

На территории Крымского Приазовья в настоящее время открыто около десятка сакральных комплексов разной сохранности и информативности. Материалы из приазовских сельских святилищ отражают не только локальные особенности ритуальной практики, нерасторжимо связанной с повседневной и хозяйственной жизнью, но и, будучи включенными в более широкий историко-культурный контекст, помогают проследить отдельные трудноуловимые аспекты сакрального мировоззрения боспорского населения.

Культурные напластования сельских святилищ наряду с находками, традиционно привлекающими внимание исследователей (фрагментами посуды, терракотами, монетами, алтарями), включают специфическую группу материалов природного происхождения. Повсеместно в приазовских святилищах раковины моллюсков *cardium*

(Cardiidae) и Veneridae образуют подсыпки на уровне полов, в достаточном количестве присутствуют в заполнении жертвенников; кроме того, в составе жертвоприношений встречаются кости рыб, вотивы в виде отдельных относительно крупных раковин мидий, устриц или *cardium* (Cardiidae), клешни крабов¹. Считать такие находки случайными невозможно. Так, подсыпки из раковин моллюсков – едва ли не обязательный признак любого святилища в Крымском Приазовье. Другие находки этой категории можно определить как штучные, единичные в том или ином археологическом комплексе. За пределами мест отправления культов, эти объекты непричастны к сфере сакрального, однако едва ли следует объяснять их присутствие в святилищах исключительно утилитарными целями, обусловленными локальной спецификой (близостью морского побережья). Отметим, в этой связи, что в разновременных жилых и хозяйственных комплексах поселений Крымского Приазовья данная группа находок представлена в основном раковинами промысловых моллюсков (преимущественно, мидий), составлявших часть рациона местного сельского населения и встречается массово в зольно-мусорных культурных напластованиях, заполнениях хозяйственных ям. Специфические подсыпки из раковин *cardium* (Cardiidae) и Veneridae, свойственные святилищам, в жилых и хозяйственных помещениях не зафиксированы.

Такого рода объекты, в целом не имея самостоятельного культового значения, попадая в сакральное пространство, очевидно, наделялись новыми (не только утилитарными) функциями и включались в систему со сложной иерархией связей, семантически сочетаясь с находками, ритуальная принадлежность которых не вызывает сомнений. Известен ряд работ, посвященных толкованию сакрального смысла эофактов, а также бытовых вещей, обнаруженных в боспорских городских святилищах и некрополях². Интерпретации находок такого рода в сельских святилищах достаточного внимания не уделялось.

Присутствие раковин двустворчатых моллюсков в сакральных комплексах (как городских, так и сельских) в первую очередь соотносится с темой морского изобилия, плодородия. Во все времена рыболовство занимало важное место в хозяйственной деятельности населения приазовской хоры, о чём свидетельствуют многочисленные находки рыболовных грузил из ручек амфор и известняка, рыболовных крючков разного размера, игл для плетения сетей. Рыба и съедобные моллюски составляли неотъемлемую часть рациона поселенцев. В этой

¹ Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007. С. 79, 99, 117, 124, 145, 160, 176, 201, 242, 251, 283, 295, 312, 356, 364, 373, 388, 411, 493.

² Тульпе И.А., Христановский В.А. Сакральное поле некрополя // БФ. 2002. С. 161–167; Тульпе И.А. Артефакты и сакральное (некоторые проблемы интерпретации) // Артефакты и сакральное в истории Боспора / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 2017. С. 13–25; Молева Н.В. Орудия труда как вотивные подношения в Китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора... С. 51–61.

связи показательны находки костей рыб и насыщенность зольно-мусорных напластований на территории поселений раковинами съедобных моллюсков. Кроме того, при исследовании, как жилых комплексов, так и святилищ повсеместно встречаются фрагменты рыбных блюд. Отметим также и то, что рыбные богатства Меотиды и Понта Эвксинского были хорошо известны грекам, и рыболовный промысел на Боспоре был популярен во все времена. Так, в IV в. до н.э. греческий поэт Архестрат составил «Записки о боспорской соленой рыбе» (Athen. VII.21). О вывозе из припонтийских стран соленой рыбы, которая считалась одним из признанных деликатесов, пишет Полибий (Polyb. IV.38.4). О вывозе соленой рыбы из Меотиды и о ловле рыбы для соления свидетельствует Страбон (Strabo VII.4.6; XI.2.4). Он же сообщает о ловле пелагид, размножающихся в Азовском море и уходящих затем в Черное, и отмечает крупные размеры осетров в Керченском проливе (Strabo VII.3.18; 6.2)³.

Без сомнения, обеспечение не только земного, но и морского плодородия занимало значимое место в ритуальной практике населения приазовского побережья, тесно связанного с морем в своей повседневной жизни.

С темой плодородия и изобилия неразрывно связаны символы рождения, среди которых особое место принадлежало морским раковинам. Раковины двустворчатых моллюсков⁴ ассоциировались с женской символикой, в силу уподобления женскому детородному органу они выражали творческое рождающее начало. Благодаря наделению животворной силой этот атрибут выступал в качестве воплощения идеи вселенского лона и был связан с темой рождения⁵. В литературе, посвященной исследованию религиозного мировоззрения и культовой практики эллинов, атрибуты в виде раковин чаще всего соотносятся с культом Афродиты в ипостасях Анадиомены и Понтии⁶ и трактуются как отражение её культа. Изображения богини в сочетании с этим атрибутом хорошо известны среди произведений античного искусства⁷. Упомянем в этой связи о некоторых из них. В первую очередь, это –

³ Подробнее: *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 208–214. *Одрин А.В.* Рыболовный промысел Боспора в доримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 2010. С. 332–336.

⁴ Анализ символики морских раковин и жемчуга в широком историко-культурном контексте дан в работах М. Элиаде. Автор привлекает разнообразный этнографический и археологический материал, раскрывающий особое (сакральное) отношение к этим атрибутам в различных культурах.

⁵ *Элиаде М.* Образы и символы. Эссе о магико-религиозной символике / Пер. с фр. Ю.Н. Стефанова // Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М., 2000. С. 209–216.

⁶ *Молева Н.В.* Орудия труда... С. 55–56; *Молев Е.А., Молева Н.В.* Морские ипостаси Афродиты // Древний Восток и античный мир. М., 2018. Вып. 9. С. 184–186; *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / Пер. с англ. А.А. Тахо-Годи. М., 1992. С. 34.

⁷ *Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. К., 2005. С. 295.

аттический фигурный сосуд первой четверти IV в. до н.э. из раскопок некрополя Фанагории, в виде протомы Афродиты между двумя створками раковины морского гребешка (ГЭ. Фа. 869-91). В греческой коропластике известны терракотовые статуэтки богини, сидящей в раскрытой раковине морского гребешка, например, статуэтка Афродиты Анадиомены IV в. до н.э. из Коринфии, представленная в собрании Национального археологического музея Афин (инв. № 4164). Данный иконографический тип изображений богини связан с иллюстрацией мифа о её рождении, согласно которому, возникнув из пены морской, Афродита добралась до берега в раковине.

В сельских святилищах Крымского Приазовья образ Афродиты в морских ипостасях в основном находит отражение в терракотах, воплощающих богиню обнаженной, с медальоном на груди и дельфином у ног. В городских сакральных комплексах (например, в Китее)⁸ и некоторых сельских святилищах (например, в заполнении ларей (жертвенников) восточного комплекса теменоса вблизи поселения Генеральское-Восточное) раковины морского гребешка входили в набор приношений, уверенно ассоциируемых с Афродитой. Так, например, значительное количество раковин морского гребешка, парные статуэтки Афродиты и Геракла (или Эрота), светильник, монета, бальзамарии, чаши были обнаружены в грунтовом заполнении ларя-жертвенника в помещении № 2 строения 1 восточного комплекса теменоса вблизи поселения Генеральское-Восточное. Предметы из заполнения ларя позволяют отнести комплекс приношений ко второй половине II–I вв. до н.э.⁹ Морские раковины и песок в сочетании с изображением полубога Афродиты и всадника образуют единый комплекс в заполнении другого ларя, аналогичного упомянутому, из того же помещения¹⁰. Однако отметим, что далеко не всегда Афродита выступает в качестве центрального культового персонажа, вокруг которого складывается ритуальный комплекс приношений с присутствием морских раковин. Как уже упоминалось, подсыпки из раковин двустворчатых моллюсков в жертвенниках и на уровне полов присутствуют практически во всех приазовских святилищах, даже, если адресат совершавшихся там обрядов не всегда чётко персонифицирован или же изображения этой богини отсутствуют, либо не поддаются однозначной интерпретации. Далеко не всегда можно определить и адресата ритуальных действий, с которыми связаны приношения, включающие морские раковины. Очевидно, особый смысл несет и присутствие створок раковин мидий и морского гребешка в строительных жертвоприношениях в общественных святилищах, в заполнении ям с ритуальным захоронением собак, а также домашних жертвенниках, не имеющих чёткой культовой персонификации. Можно предположить, что находки раковин морских моллюсков в

⁸ Молева Н.В. О культе Афродиты в Китейском святилище // Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 95–107.

⁹ Масленников А.А. Сельские святилища... С. 113–118.

¹⁰ Там же. С. 124–125.

разных сакральных локусах соотносились не только с ритуальной практикой культа конкретного божества, но и включались в более сложную систему символов и смыслов, связанных с религиозным мировоззрением обитателей приазовской хоры.

Обращаясь к интерпретации этой группы находок из святилищ, необходимо учитывать некоторые специфические черты массового религиозного мировоззрения боспорян. Материалы сакральных комплексов (святилищ и некрополей) городов и сельских поселений позволяют характеризовать сознание боспорян как архаическое, традиционное, практически не менявшееся в течение тысячи лет. Условия жизни на освоенных землях неизбежно воспроизводили архетипы архаического мироощущения. Их консервации способствовало и варварское окружение, при взаимодействии с которым развивалось боспорское общество¹¹. В соответствии с архаическими воззрениями конструировалась модель мира, представления о пространстве.

С гомеровских времён деление пространства осуществлялось в горизонтальной плоскости на пространство освоенное, подчинённое собственным жизненным ритмам, воспринимаемое как микрокосм и на противопоставляемое ему пограничное, неосвоенное, выходящее за пределы человеческого обитания, уподобляемому Хаосу, царству мёртвых¹². В вертикальном членении пространство (Космос) делилось на три уровня: верхнее мифологическое, земное и нижнее мифологическое¹³. Всякий микрокосм включал в себя то, что М. Элиаде определяет как «Центр», где священное проявлялось всеобъемлющим образом. В мифической географии священное пространство – пространство по преимуществу реальное, где сакральное воплощалось в виде культовых сооружений, атрибутов и проявляется посредством символов (ось мира и её воплощения). В контексте трёхчленного деления Космоса на Небо, Землю и преисподнюю, «Центр» находился в точке пересечения этих областей. Здесь происходил разрыв уровней и, в то же время, становление связи между этими областями. В восприятии человека, наделённого архаическим (мифологическим) сознанием, географическое пространство и конституирующие, заполняющие его объекты, выступали частью этой модели мира. В числе таких «организующих» и «сакрализирующих» пространство объектов, помимо прочего, оказывались и святилища, которые могли выступать в качестве символических проекций условного Центра микрокосма¹⁴, звеньев, кон-

¹¹ Тульпе И.А., Христановский В.А. Сакральное поле некрополя... С. 167.

¹² Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М., 1994. С. 27–28; он же. Образы и символы... С. 148–149.

¹³ Лебедева Ю.И. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея» // Ярославский педагогический вестник. 2016. Вып. 4. С. 216–218; Элиаде М. Образы и символы... С. 149–150;

¹⁴ Он же. Священное и мирское... С. 31–32; он же. Образы и символы... С. 148–149; Тульпе И.А. Археология сознания боспорян: религиозоведческий дискурс // Проблемы антиковедения и медиэвистики. К 30-летию кафедры истории Древнего мира и Средних веков Нижегородского государственного

ститующих связи внутри горизонтального и вертикального членения пространства. Частью этой знаковой системы были происходящие из святилищ атрибуты, отражающие её отдельные аспекты. Очевидно, в эту знаковую систему были включены находки природного происхождения, связанные с морской стихией.

В воззрениях древних морская стихия – символ, сочетавший в себе два противоположных, но в то же время взаимосвязанных начала. С одной стороны, море (водная стихия) олицетворяло порождение, было связано с плодородием и изобилием, рождающим лоном, воплощением женского начала и эквивалентно земле¹⁵. С другой стороны, море знаменовало и финал, выступая эквивалентом подземного, хтонического мира, хаоса¹⁶. Хаос воды, предшествовавший сотворению, символизировал возвращение к аморфному состоянию, наступающему со смертью, возвращение к зачаточному виду существования. Как отмечает М. Элиаде, появление на поверхности воды знаменовало собой повторение космогонического акта, в результате которого сущее обретало форму, погружение равнозначно растворению форм¹⁷. Поэтому символика вод дихотомична, включала в себя как смерть, так и возрождение.

Отметим в этой связи тот факт, что раковины морских моллюсков широко использовались не только в ритуалах жертвоприношений, но и в погребальной обрядности Боспора. В качестве погребального инвентаря применялись раковины морских и пресноводных моллюсков: морского гребешка, каури, мидий, перловицы¹⁸. Непосредственная задача погребально-поминального обряда – обеспечение перехода умершего из одного мира в другой, и ритуальные действия, сопутствующие этому процессу имели целью восстановление нарушенного смертью миропорядка. С символикой перехода был связан круг артефактов и экофактов, задействованных в погребально-поминальном обряде. Прижизненные функции предметов утилитарного назначения и объектов природы, делало их медиаторами между земным и хтоническим мирами, звеньями в непрерывающемся цикле смертей и возрождения¹⁹.

Как морской обитатель, моллюск сохранял свою символическую принадлежность нижнему миру, миру хаоса, с которым, как мы уже

университета им. Н.И. Лобачевского / Махлаюк А.В. (ред.). Н. Новгород, 2006. Вып. 2. С. 105–107.

¹⁵ Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира. М., 1994. Т. 1. С. 240.

¹⁶ Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. С. 78, 251.

¹⁷ Элиаде М. Образы и символы... С. 229.

¹⁸ Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Симферополь; Керчь, 2014. С. 33–34, 54, 62, 89, 111 (Гробн. 14/2000, 55/2001, 70/2002, 135/2003, 201/2005); Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 38, 46, 71, 78, (П А7, П. 149, П А188, П. А55); Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 161.

¹⁹ Тульпе И.А., Хршановский В.А. Сакральное поле некрополя... С. 161–167.

отмечали, ассоциировались водная стихия, море. Раковины морских моллюсков, как в погребально-поминальной обрядности, так и в ритуальной практике святилищ, принадлежали кругу хтонических атрибутов. Будучи сокрытыми в грунт, они воплощали переход между земным и нижним (хтоническим) миром. В этом контексте символически находки морских раковин в грунтовом заполнении практически всех ларей-алтарей, жертвенников, открытых в разновременных сельских святилищах Крымского Приазовья. Отметим в данной связи ещё один из примечательных алтарей-эсхар, открытый ходе раскопок 2012–2013 гг. в святилище I в. до н.э. на поселении Полянка²⁰. Алтарное сооружение из вертикально установленных плит заключало в себе лепной конический сосуд с запечатанным известью основанием, перекрытый сверху плоским известняковым камнем. Вместилище сосуда было заполнено рыхлым суглинком с золой, комочками мела. Находки из заполнения немногочисленны – несколько целых раковин мидий и тёрочник со сработанной поверхностью из ножки коричневой глиняной амфоры. Тёрочки, как жернова, зернотёрки в бытовой сфере, применяемые для переработки зерна и получения муки, в сакральном контексте (в святилищах и некрополях) выступали в качестве символов перехода и преобразования²¹. Такого рода предметы в составе ритуальных комплексов неоднократно встречались в святилищах Крымского Приазовья²². В этой связи раковины морских моллюсков в сочетании с тёрочником, могут рассматриваться как элементы хтонического жертвоприношения, звенья-переходники между уровнями мироздания. В аналогичном контексте могут быть интерпретированы и находки морских раковин в комплексе с вотивами в грунтовых заполнениях ларей, специфических для общественных сельских святилищ. Эти атрибуты подчеркивали и усиливали мотив преобразования, перехода в процессе жертвоприношения.

С темой символической маркировки границ и перехода между мирами можно связывать и присутствие раковин в комплексах с жертвоприношениями собак, которые в античном религиозном мировоззрении принадлежали одновременно двум мирам, упорядоченному, воплощавшему земную жизнь и нижнему, хтоническому и счита-

²⁰ Кузина Н.В., Масленников А.А. «Новое» святилище на холме вблизи поселения «Полянка» (раскопки 2012–2013 гг.) // ДБ. 2015. Вып. 19. С. 213–226.

²¹ Тульпе И.А., Христановский В.А. Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. СПб., 1994. С. 108–109; Молева Н.В. Орудия труда как вотивные подношения... С. 57; Худяк М.М. Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962. С. 24; Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Сакральные объекты в застройке северного квартала городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / В.Н. Зинько (ред.). 2006. Вып. VII. Керчь, С. 150–151.

²² Масленников А.А. Святилище на Меотиде. М.; Тула, 2006. С. 23–24; Масленников А.А., Кузина Н.В. Античное святилище на вершине близ поселения Полянка // ДБ. 2011. Вып. 15. С. 231.

лись проводниками в подземный мир²³. В этом отношении примечательно захоронение собаки рубежа IV–III вв. до н.э. в прибрежной части зольника у поселения Генеральское-Западное²⁴. Останки животного покоились на подсыпке из раковин двустворчатых моллюсков, в заполнении ямы найдены светильник, боспорская монета и глазчатая бусина. Комплекс находок имеет ярко выраженный хтонический характер. Глазчатые бусины имели апотропеическое значение²⁵; светильники, как символы огня и атрибуты хтонических культов, а также монеты обычны среди находок в святилищах и погребениях, также связывались с идеей перехода. Раковины моллюсков, как символы нижнего мира, усиливали хтоническую составляющую комплекса.

Идею символической маркировки границ отражает и использование морских раковин при совершении строительных жертвоприношений. Так, в теменосе, функционировавшем на протяжении рубежа эр – первой трети III н.э. на северном плато урочища Сююрташ, в основании стены здания № 2, в специальной ямке был обнаружен красноглиняный плоскодонный горшок, внутри которого находился обколотый фрагмент нижней части закрытого сосуда, заключающий фрагменты белого вещества (гипс, известь) и 2–3 створки мидий²⁶. Можно предположить, что и подсыпки из раковин моллюсков на уровне полов в общественных святилищах также выражали символику, связанную с нижним миром, например, обозначали границу между земной и хтонической сферой в рамках воплощенной в сакральном пространстве святилища трёхуровневой картины мироздания. Этот аспект усиливало и расположение общественных святилищ на побережье, на приморских мысах. Сакральные объекты, маркировавшие возвышенные плато морских мысов и сопок, а также сопутствующие гроты, расселины, ущелья – своего рода элементы модели обряда перехода и взаимосвязанности миров неба, земли и хтонической сферы, а также освоенного и неосвоенного пространства, выходящего за пределы человеческого обитания.

В позднеантичный период в домашней и частной ритуальной практике обитателей сельских поселений Крымского Приазовья наблюдается следование тем же архаическим культовым традициям, что и в общественных святилищах. Подсыпки из раковины морских двустворчатых моллюсков, в сочетании с костями животных, рыб и votivными предметами и выступают неотъемлемыми элементами домашних сакральных комплексов в это время. Такого рода комплексы (жертвенники) зафиксированы на поселениях «Генеральское-

²³ Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 113–116; она же. Тандем «заяц-собака» в религиозном мировоззрении древних греков // Артефакты и сакральное... С. 87.

²⁴ Масленников А.А. Сельские святилища... С. 419, 442.

²⁵ Столба В.Ф. Бусы, подвески и амулеты: вера в глаза у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. 2009. № 2. С. 114.

²⁶ Масленников А.А. Сельские святилища... С. 388.

Восточное», «Зелёный мыс», «Золотое Восточное – в бухте», на мысе Зюк и «Салачик».

Все открытые в домах сакральные объекты А.А. Масленников условно делит на три группы. Первая группа представлена каменными ларями, вторая – жертвенниками, которые устраивались в специальных нишах в основании стен и закладывались плоскими камнями; третья – захоронениями жертвенных животных в ямках возле стен. Для всех указанных домашних жертвенников были присущи некоторые общие черты²⁷. По большей части они располагались в углах помещений, и так или иначе были связаны со стенами строений: либо примыкали к ним, либо находились в основании или, по сути, внутри них в специальных нишах. В большинстве случаев в них находились черепа и отдельные кости собак, а также коз, овец, коров, лошадей, поросят, а также птиц и осетровых рыб. Они были уложены на подсыпки из раковин морского гребешка с сопутствующим керамическим набором и перекрыты слоем золы или золы и глины. Жертвоприношению сопутствовали находки закрытых и открытых вотивных сосудов, светильников, курильниц и иногда монет²⁸. В целом, сочетание экофактов и артефактов, обнаруженных в домашних жертвенниках, соответствует идеям хтонических жертвоприношений. Само местоположение жертвенников отражало (хотя бы отчасти) общеиндоевропейские представления о доме, как своего рода модели земного мира²⁹, и упомянутые жертвоприношения, вероятно, были частью символических действий, конституирующих взаимосвязи между уровнями мироздания, маркирующих границы между мирами и несущих охранно-магический смысл. И присутствие в комплексах подсыпок из морских раковин, как маркера нижней космической зоны, в этой связи весьма показательно.

Круг морских экофактов, обнаруженных в сельских общественных и домашних святилищах, дополняют в целом немногочисленные находки костей рыб (в основном осетровых) и клешней крабов, которые по смыслу синонимичны раковинам. Крабы как символы изобилия, плодородия сопутствуют не только Афродите Анадиомене, но и Деметре. Так в святилище около поселения Генеральское-Западное терракотовая протома Деметры, чернолаковый закрытый светильник второй половины IV – начала III вв. до н.э. были обнаружены вместе с клешней краба, видимо, попавшей в святилище как приношение богам плодородия³⁰. В погребальной обрядности клешни крабов, как и раковины, символизируя водную стихию, наделялись значением медиаторов, связующих земной и хтонической миры³¹. Согласно сообщению Афиней, приношением умершим считалась рыба (Athen. VIII.344.b, c). В трёхчленных (по вертикали) мифологических схемах

²⁷ Масленников А.А. Сельские святилища... С. 511–522.

²⁸ Там же. С. 511–516.

²⁹ Там же С. 521.

³⁰ Там же. С. 493.

³¹ Тульпе И.А., Хришановский В.А. Сакральное поле некрополя... С. 166.

вселенной рыба служит основным зооморфным классификатором нижней космической зоны и противопоставлена птицам как классификатору верхней зоны и (менее отчётливо) копытным животным, символизирующим среднюю космическую зону³². Кроме того, рыба, как и прочие морские обитатели, воплощала изобилие морских глубин, плодородие, плодovitость.

Подводя итог нашим размышлениям, можно предположить, что в обрядовой практике сельских святилищ Крымского Приазовья морские экофакты были включены в контекст ритуальных действий, обусловленных устойчивыми среди сельского населения архаическими представлениями о модели мира. В сакральной сфере «морские» атрибуты, с одной стороны, выражали идеи, связанные с изобилием, плодovitостью, и в этом смысле принадлежали кругу символов богов, воплощавших плодonoсные силы природы. С другой стороны, они маркировали нижнюю космическую зону, сопоставимую с хтоническим миром, хаосом, применялись в обрядах жертвоприношений, в которых конституировалась и «реактуализировалась» взаимосвязь между уровнями мироздания в соответствии с архаической картиной мира.

Литература:

- Аверинцев С.С. Вода // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1994. С. 240.
- Винокуров Н.И. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). Симферополь; Керчь, 2014. – 679 с.
- Грач Н.А. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. –328 с.
- Грейс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. – 624 с.
- Зубарев В.Г., Крайнева А.А. Сакральные объекты в застройке северного квартала городища «Белинское» // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 2006. С. 150–151.
- Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. – 300 с.
- Кузина Н.В., Масленников А.А. «Новое» святилище на холме вблизи поселения «Полянка» (раскопки 2012–2013 гг.) // ДБ. 2015. Вып. 19. С. 213–226.
- Лебедева Ю.И. Представления древних греков о пространстве и времени по поэмам «Илиада» и «Одиссея» // Ярославский педагогический вестник. 2016. Вып. 4. С. 216–218.
- Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. – 416 с.
- Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 136–200.
- Масленников А.А. Святилище на Меотиде. М.; Тула, 2006. –152 с.
- Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007. – 564 с.
- Масленников А.А., Кузина Н.В. Античное святилище на вершине близ поселения Полянка // ДБ. 2011. Вып. 15. С. 228–247.
- Молев Е.А., Молева Н.В. Морские ипостаси Афродиты // Древний Восток и античный мир. М., 2018. Вып. 9. С. 180–196.

³² Соколов М.Н. Рыба // Мифы народов мира. М., 1994. Т. 2. С. 391.

- Молева Н.В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 113–116.
- Молева Н.В.* О культе Афродиты в Китейском святилище // Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002. С. 95–107.
- Молева Н.В.* Орудия труда как votivные подношения в Китейском святилище // Артефакты и сакральное в истории Боспора / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 2017. С. 51–61.
- Молева Н.В.* Тандем «заяц-собака» в религиозном мировоззрении древних греков // Артефакты и сакральное в истории Боспора / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 2017. С. 79–92.
- Одрин А.В.* Рыболовный промысел Боспора в доримское время // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремёсла и промыслы (Боспорские чтения XI) / В.Н. Зинько (ред.). Керчь, 2010. С. 332–336.
- Русяева А.С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 2005. – 559 с.
- Соколов М.Н.* Рыба // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1994. С. 391–393.
- Столба В.Ф.* Бусы, подвески и амулеты: вера в глаза у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. 2009. № 2. С. 109–129.
- Тульпе И.А.* Артефакты и сакральное (некоторые проблемы интерпретации) // Артефакты и сакральное в истории Боспора / А.В. Махлаюк (ред.). Н. Новгород, 2017. С. 13–25.
- Тульпе И.А., Христановский В.А.* Жернова на некрополе // Вещь в контексте культуры. СПб., 1994. С. 108–109.
- Тульпе И.А., Христановский В.А.* Сакральное поле некрополя // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища / В.Ю. Зуев (ред.). СПб., 2002. С. 161–167.
- Худяк М.М.* Из истории Нимфея VI–III вв. до н.э. Л., 1962. – 64 с.
- Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994. – 144 с.
- Элиаде М.* Образы и символы. Эссе о магико-религиозной символике // Миф о вечном возвращении. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское. М., 2000. С. 125–247.